

Мария Голованивская

Кто боится смотреть на море

Мария Голованивская

КТО БОИТСЯ
СМОТРЕТЬ НА МОРЕ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА
ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г 61

Художественное оформление
Ирина Сальникова

Голованивская, Мария Константиновна.

Г 61 Кто боится смотреть на море : [роман, повесть, рассказы] / Мария Голованивская. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 346, [6] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-097386-6

Мария Голованивская — писатель, переводчик, журналист. Автор книг «Противоречие по сути», «Московский роман», «Двадцать писем Господу Богу», «Пангея» (шорт-лист премий «НОС» и «Сделано в России»).

«Кто боится смотреть на море» — один из самых беспощадных текстов, хотя, казалось бы, перед нами камерная, печальная история неудавшейся любви. Но на самом деле — это история торжествующей, удавшейся НЕЛЮБВИ. Героиня романа приезжает на старомодный европейский курорт за покоем и счастьем. Всю жизнь она воевала с самой жизнью. Жила по правилам, без прикрас, говорила правду в глаза, а оказалась в мире безмятежности, старых денег и красоты. Она рушит этот мир вокруг себя, потому что иначе не умеет, не плучается. Она победила и она разбита...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-097386-6

© Голованивская М.К., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Содержание

Кто боится смотреть на море	7
Двадцать писем Господу Богу	133
Ветер	289
Укус Софы: рассказ писателя N.	309
Танатос-пра	325

КТО БОИТСЯ СМОТРЕТЬ НА МОРЕ

Роман

Пакуясь, она вдруг вспомнила, как Соня юркнула к ней под одеяло, прижалась и прошептала куда-то в подмышку: «Майя, слышишь, у меня с первого раза получилось, а я боялась, что будет больно и кровь, и я не смогу, не смогу...»

Майя отстранилась.

Кошка лизучая эта Сонька.

— Значит, ты переспала?

От природы искривленный Майин рот левым краем ушел вниз глубже обычного, и лицо сделалось злым.

— А залететь не боишься?

Майя помнила, как Соня окаменела, казалось, даже волосы ее, разлетевшиеся по подушке, сжались и еще сильнее завились, как после, всхлипывая, глотая слезы, говорила, что поделилась с Майей как с сестрой, ведь та замужем и должна помочь,

дать совет, что она любит, полюбила, совсем, совсем, не дышит почти от боли и смятения, когда видит его, и готова на всё, совсем на всё...

— Никакого «всё» нет, не бывает, — жестко отрезала Майя, — и нечего уши развешивать. Начиталась пошлятины, в кино насмотрелась? Охи и ахи, так давай, нет, так... Мужчине нужно одно, и он свое возьмет, как ты ни мяукай.

— Нарочно так говоришь, потому что не любишь никого, никто тебе не нужен.

— Зато тебе всякий нужен, — сдавленно шипела Майя, боясь разбудить отца за стенкой, — ты одна ни минуты быть не можешь, от этого и загуляла. По рукам пойдешь, я сказала, по рукам пойдешь.

Соня села на постели, смерила сестру взглядом. Майя помнит этот взгляд, острый и ранящий, как стеклянный осколок, что полоснул по ее некрасивому, уродливому даже, лицу: рот кривой от рождения, большие плоские уши, словно припорошенные мукой, жидкие волосы.

— Люди по-звериному должны, да? Без слов, без признаний.

— Не фантазируй, — смягчилась Майя, — извини, если я груба была.

— Не-е-ет, — Соню несло, — ты со своим Витечкой, наверное, по-собачьи сношаешься, ахе-ахе-ахе, да? Без лишних, без ненужных нежностей. Уродина ты! Нелюдь!

Майя размахнулась и со всей силы ударила ее. Разбила нос.

Зачем она тогда приехала домой и осталась ночевать? Приглядеть за Сонькой? Кажется, отец

занемог, слег с гриппом, кашлял, и она поехала наварить и прибраться.

Ну да, Соня была права, с мужем у Майи затей не было. Раз — и все, ему хорошо, а ей никак. Пять минут в сутки перетерпеть можно, да и не каждый день.

Майя остановилась, закурила, пошла на кухню, поставила чайник. Невозможно лезли в голову эти воспоминания, и щемило от них, сдирало прямо кожу.

И зачем теперь порожняк этот гонять? Пустой высер памяти. Нет Сони. Никогда больше не будет.

Попила чайку. Покурила. Собираться надо, ничего не забыть. А то забудешь, и метаться там, без языка?

Соня, ее младшая сестра, моложе на десять лет, умерла полгода назад в Париже на пятьдесят пятом году жизни, по официальному заключению — от внезапной остановки сердца, но все знали: овердоза, трагедия, досада и стыд. Ведь могла же Майя спасти ее, отворотить, настоять в сотый раз на клинике, ведь всю жизнь пыталась уговорить, накричать, но не выходило — срывалась в последний момент. Чтобы Соня начинала ее слушать, надо было врать, а врать Майя не умела, не хотела, а иначе разговор не шел.

Внезапно мысли ее шарахнулись в другую сторону: как же теперь обзавидуются эти Сонькины подружанки! Да и мои, которые судачили за спиной, что убогая я, что на мне природа отдохнула, только, мол, у Сони красота да талант. Вот теперь и упивайтесь красотой да талантом! Постарели все

воспеватели, у кого рачок, у кого инфарктик, от кого муж к молодой ушел — а как жили-то красиво, как хвосты распушали! Она знала, знала, что настанет час и к ней прибегут за утешением, а она душой не будет, даст от ворот поворот. Мечтала об этом ночами долгие годы. Представляла себе заведующую их, Нельку, с которой бок о бок всю жизнь на работе просидела. У той и дочка красавица, и муж зарабатывает, и съездили они на море замечательно, и шуба вот новенькая, четвертая уже. «Прибегут плакаться», — твердила себе Майя. И вот пробил час: Сонечка оставила и денег, и квартиру на океане.

Сан-Себастьян! Говорят, роскошный город, богатый для богатых, бриллиантовый. Тишь, красота, никакой тебе жары, тротуары все белоснежные, и в кафешках тапасы подают — везде разные, нигде одинаковых не сыщешь. Испанцы веселые, не жадные, как немцы, горячие, с душой нараспашку, жить среди них — праздник. Ходят по улицам — поют, она видела по телевизору, наряжаются, фламенко женщины танцуют — кровь кипит, с такими рядом не замерзнешь. И Биарриц тут же, в часе езды, о котором только в книжках читала, — курорт, и будет она под зонтиком мороженое лизать и дремать в теплых лучиках, а остальные пускай локти теперь жрут себе. Всё. Хватит. Заслужила она.

Чемодан хрипел и не застегивался. Но брюхо его надутое, наглое коленкой надо, и никуда не денется. Майя пихала чемодан ногой и улыбалась своим мыслям, утирая пот с лица: молодец Соня, не оби-

дела сестру. Ну, оставила она Жилю, последнему своему кучерявому любимчику, похожему на кузнечика, парижскую халупу и немного денег, так и не жалко, хоть и прохвост он порядочный. Двадцать семь лет, а сообразил, к кому чалиться. Промоутер из пригорода Марселя. Приехал с какой-то выставкой в Париж, а тут на тебе — сама Соня Потоцкая раздвинула ноги.

Майя победила молнию и наконец-то смогла выпрямиться — все, старое долой, поживу и я.

Разноцветные мушки прыгали перед глазами, давление, небось, под двести, когда паковалась-то в последний раз? Четыре года назад, ездила повидаться с Сонькой в Прагу, та была там проездом. Выставка, народищу! А Соня, как всегда, бледная, белая почти, с ледяными пальцами, теребящими сигарету, обычно по рассеянности не прикуренную. Поговорили плохо. Майя бесилась от ее лепетаний. «Жиль, Жиль, он такая чистая душа, такая нетронутая, но я так запуталась, совсем, совсем». Майя глядела на дрожащие синие пальцы, глядела на какие-то пятна на шее и взорвалась: «Не могу больше с тобой, плохо мне! Как гребла всякую шваль, так и гребешь! Ты на себя посмотри!» Ну что ж, право имеет, она старшая, пожилой уже человек. Пенсионерка. Они сидели за столиком, кафе было венское, с бархатными диванами, медными поручнями и круглыми матово-молочными абажурами на длинных ногах, все в розовом свете из-за обивки и цвета стен, с голливудской барной стойкой, жаркое, несмотря на зимний прохладный день. Она помнила официанта с брюшком, воско-

вым носом и комичным мазком влажных волос от одного уха к другому. Жалко его, дед уже поди, а все заискивает; дала б ему чаевых побольше, если бы платила сама и не выскочила из-за стола с красным от гнева лицом. Когда бы знала, что это последний их с Соней разговор, то не стала бы так оскорблять. Ну младшая, ну беспутная, ну ветер в голове, но не девочки уже обе, да и сколько можно ее, дуру, отчитывать — всю жизнь отчитывает. Потому что любит. Очень любит.

Она все вспоминала потом их отражения в вычурных, словно стекающих по стенам, современных зеркалах кафе: она, Майя, — дылда, некультяпистая, пучеглазая, с руками-оглоблями, сутулая, квадратная, и Соня — тоненькая, миловидная, крашенная блондиночка, все время поправляющая невротическим жестом очки и кривящая правый угол рта, — тик, симметричный ее, Майиному, парезу. Сколько помнит Соню, всегда так кривила, обезьянничала, наверное, невольно. Что-то в ней было от Пиаф. Надрыв, худоба, наркотики. И как получилось, что они сестры? Ничего общего, ни в чем, никогда.

— Ты всю жизнь меня поучаешь, — тихо, виновато говорила Соня. — Напрасно, зря это.

— Я хочу как лучше, ты знаешь. Но Жиль сосет из тебя деньги, все имеют тебя, понимаешь ты это? А ты мне назло защищаешь, защищаешь... — почти что лаяла Майя.

— Мне так не лучше, — шептала Соня.

— Но ты же сдохнешь, дура, из тебя всё уже высосали. И что ты все время не говоришь, а шепчешь? Тьфу!

Соня умерла, вмиг, нереально, как в кино. Когда Жиль нашел ее, еще играла музыка — это Соня пришла домой и включила Нину Симон. Налила себе виски, закурила, села на диван, включила телевизор. Была расстроена из-за каталога: не тот формат, не та бумага, пошлость вышла, и она все время в тот вечер добавляла еще и еще.

А может, Майе и понравится в этом Себастьяне? Поест свежей рыбки, окунется потихонечку... Ведь если Соня так любила эту свою «дыру в сыре», где, как она говорила, за считанные часы нарастает новая кожа, значит, что-то там есть? Соня ездила туда одна, обычно одна, без ухажеров, она говорила, что океан заменяет ей все, что она там даже почти не курит. Ну а если не придется ей Себастьян, рассуждала про себя Майя, так продаст к чертям собачьим. Никому ведь теперь ничего не должна.

Кавардак, посреди которого она возвышалась, как Гулливер, показался ей веселым. Хочу и ворочу — вот что заставляло ее глаза улыбаться, а крашенные в шатен жидкие волосенки изображать подобие волны. Майя с наслаждением оглядывала пестрые шмоточки потроха, вываленные из шкафов, лянляые ночнушки, наволочку с лекарствами, гречку, геркулес (говорят, там такого ни за какие деньги не купишь) — господи, еще и для этого надо сумку брать! Но в одну секунду настроение ее поменялось. Этот запах, — она понюхала свое вспотевшее запястье, — этот запах, какой-то он стал химический, нет? Понюхала потную ладонь. Нет, не химический, как будто пахнет огуречным рассолом или